

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-1

Баранова С. В.

Информационная реальность и сетевой мир:
концептуализация границы

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *Baranova_SV@bsuedu.ru*

Аннотация. В статье предлагается аналитический обзор основных терминологических структур и описание виртуальных характеристик информационной реальности как некой концептуальной метафоры жизненно-сетевого человека современного общества. Обосновывается, что полемическая незавершенность этой метафоры вполне может быть представлена как некая практика отрицания идеологического мифогенеза – как научно-конкретное преодоление тяги к технологическому мифу о мыслящей машине, породившему идеологию оправдания господства информации. В работе исследуются стереотипные суждения, бытующие в этой сфере, и предлагается систематический очерк их трансформации – осознания их как некоего когнитивно доступного горизонта информационной реальности. Эта реальность, как показывает исследование, принимая различные терминологические («сетевые») облики, оказывается скорее категориальной мерой, граничным условием возможности социальной онтологии, нежели автономной, или объективной, реальностью-в-себе.

Ключевые слова: миф; информация; сеть; интернет; искусственный интеллект; коммуникации; цифровая среда; информационное общество; цифровые технологии; кибернетика

Для цитирования: Баранова, С. В. (2025), «Информационная реальность и сетевой мир: концептуализация границы», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (1), 118-128. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-1

S. V. Baranova

Information Reality and the Network World: Conceptualizing the Boundary

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *Baranova_SV@bsuedu.ru*

Abstract. The article offers an analytical review of the main terminological structures and a consolidated description of the information reality as a certain conceptual metaphor of the life-network-world or of a person in modern society. It is argued that the polemical incompleteness of this metaphor can be presented as an uncertain practice of denying ideological mythogenesis, a scientifically specific overcoming of the desire for the technological myth of the thinking machine, which gave rise to the ideology of justifying the dominance of information. The work examines some transformations of stereotypical judgments in this field and points to their awareness as a certain cognitively accessible horizon of information reality. As the study shows, this reality, which takes different terminological forms ("network"), turns out to be a categorical measure, a boundary condition for the possibility of social ontology, rather than an autonomous or objective reality "in itself".

Keywords: myth; information; network; Internet; artificial intelligence; communications; digital environment; information society; digital technologies; cybernetics

For citation: Baranova, S. V. (2025), "Information Reality and the Network World: Conceptualizing the Boundary", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (1), 118-128, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-1-1-1

Познавательный архетип

За всю историю человеческой цивилизации мы как будто впервые находимся в условиях тотального разделения общества на две среды существования – первично реальную, естественную, поскольку она реальна в полноте нашего действительного существования, доступна из непосредственности нашего телесного и духовно-практического бытия, и творчески самобытную, вторично реальную, поскольку она возникает как некое творчески-познавательное усилие и при этом озадачивает нас своей, кажется, автономной мирностью. Эта вторая реальность, «цифровая среда», насколько мы ее понимаем, не существует вне пределов реальности материального мира и в этом смысле она вторична, но никогда еще такая вторичная, абстрактная форма

творческого представления мира не имела столь осязаемого влияния на целостное миропонимание. Осознание разделенности мира, в котором мы находимся, – своего рода онтологический вызов, который требует к себе особенного внимания.

Цивилизационно глобальным стал запрос на информацию как некоторую желанную форму присутствия цифровой среды в нашем первично действительном бытии; происходит процесс осознания этой среды как жизненно необходимой, в которую нельзя не вовлечься и не признать ее в ее абсолютной жизненности, *ab ovo*. Иными словами, информация как средство управления общественным сознанием последовательно приобретала доминирующие качества и стала со временем действительно одним из важнейших признаков современного социума.

Предположим, что сложившаяся терминологическая система в рассматриваемой области содержит ряд родственных определений, с той или иной нюансировкой дающих онтологическое закрепление понятия информационной реальности. «Информационная среда», «информационное поле», «сетевая среда», «цифровая реальность», «виртуальная реальность», «информационное общество»... – здесь мы видим три основных понятия: «информация», «сеть» и «цифра». Это не синонимы, и родство этих терминов заключается в их сущностной близости; они онтологически характеризуют специфические свойства некоей реальности, которая, кажется, обладает способностью к всеобъемлющему, нелинейному, мобильному взаимодействию своих составляющих посредством тех или иных каналов передачи. Здесь термин «информация» является ключевым, но без соответствующих дополнений остается в парадигме тех времен, когда не выходил за пределы одного из признаков мира материального, например, являлся тем, что мы подразумеваем под понятиями «книга», «сообщение», «библиотека» и даже «предание», «учение» и т. д. Между тем, информация в новом понимании – это, в первую очередь, коммуникация.

Сеть – структурный признак, позволяющий охарактеризовать принцип действия каналов коммуникации. Сущность сети заключается в ее способности достигать максимального охвата и не терять гибкость построения. Образ сети, в которую попадают, которой ловят, которая сплетена из подвижной нити, но обладает матричной узловым структурой – метафора, наиболее полно отображающая функцию сети как атрибута современной информационной среды.

Цифра (цифровые технологии) в широком понимании является техническим инструментом передачи информации и формирования сетевых коммуникаций. Цифровой способ передачи

данных обеспечил саму возможность глобализации информационного пространства и, до появления каких-либо других технических платформ, остается наиболее эффективным.

Фундаментальным термином в этой проблематике является понятие «информационное общество», и именно с исследования данного феномена постиндустриального мира начался научный поиск, постигающий в том или ином контексте его онтологическую и гносеологическую природу.

Проникая вглубь понятия «информация», мы не можем изолировать его от бэкграунда, который предшествовал его нынешней трактовке, стереотипно связанной с медиа, СМИ, коммуникацией. Сейчас информация – неотъемлемая область жизнедеятельности общества; в определенной степени так было и ранее, и функционально мы относим к этому явлению способность человечества сохранять, аккумулировать, систематизировать и передавать знание. Поэтому в онтологическом смысле «информация», если мы рассматриваем ее как образ объекта (Кулешов, 2015) – архетип, связанный с цивилизацией так же, как «познание», «слово», «опыт».

Трансфер в цифровую реальность

В научном дискурсе XX и XXI веков сложилось суждение об информации как способе расширения (Маклюэн) возможностей человека, что сроднило его с другим понятием – машины (Маклюэн, Вейценбаум). Но когда мы пытаемся постичь природу информационного общества, исходя из этих утверждений, есть риск утраты первоосновы смысла, связанного с развитием общества с самых древних времен. По сути, информирование возникло ровно тогда, когда появилась первая необходимость передачи неких значимых сведений от одного актора к другому. Таким образом, информирование происходило через средства коммуникации, соответствующие уровню цивилизации. И если в Древнем мире

сформировался сам инструментарий – изображение/слово/знак, то в дальнейшем базис из этих составляющих просто находил ту самую «машину», которая могла выполнить поставленную задачу расширения – от пергамента через книгопечатный станок к телевидению и интернету. Исследования в области коммуникаций древнего общества, например, античных Афин, показывают нам, что знание, получив такой устойчивый инструмент передачи, как письменность (визуализированная система знаков), в качестве расширения использовала поверхность посуды, каменное надгробие, палетку или пергамент, в итоге донесших до нас античный жизненный опыт. В вербальной форме общество передавало сведения на собраниях, в полисе (агора, театр, святилище, гимнасий) и в мифотворчестве (Куле, 2004). Французская исследовательница К. Куле констатирует преемственность современного информационного общества от древнего прототипа: «По многим показателям полис вправе именоваться “обществом коммуникации”, которое и сегодня может нас многому научить» (Куле, 2004: 109). Искусство как сообщение стало объектом изучения Е.Я. Басина. В его антологии «Искусство и коммуникация» (Басин, 2015) подробно рассмотрены коммуникативные аспекты искусства в истории философско-эстетической мысли. Особенно интересной представляется взаимосвязь таких эстетических категорий, как гармония, пропорция, совершенство, с математическим расчетом. По сути, древние, определив зависимость рационального и умозрительного, первыми «оцифровали» это знание, переложив законы прекрасного на язык математики.

Несмотря на широкую парадигму исследовательских концепций, информация остается одним из самых многосложных понятий, меняющих контекст в зависимости от области применения, а в сопряжении с таким явлением, как информационная реальность,

оказывается более всего связанной с мифологизацией эпистемы, возможности которой в массовом сознании далеко не всегда находят рациональное объяснение. Одновременно с этим у нас нет задачи рассматривать отраслевые области применения этих технологий – медицину, все виды промышленности, военный сектор или бизнес – там информация по-прежнему сохраняет свои первозданные функции, подчинена определенному созидательному процессу и несет прикладной характер. Нам важно оценить трансформацию, которую претерпевает информационное общество, живущее в парадигме господства всеобщей осведомленности.

Прослеживается тенденция: чем совершеннее технологии распространения информации, чем техничнее машины-расширения, тем больше возникает мифов, поясняющих тот или иной феномен, подчинивший себе мышление современного человека, главным из которых является срастание двух пространств – реального, материального мира и мира информационных потоков.

Наравне с гуманитариями темой заинтересовались ученые в области точных наук, которые подошли к проблеме машины как участника информационного процесса и попытались осмыслить, насколько технический прогресс способен разрушить его антропоцентризм. Интересен и их подход к анализу природы мифотворчества новой техно-информационной реальности – так, по мнению Дж. Вейценбаума, трансформация смыслов происходит не столько из-за непонимания непросвещенных масс, сколько из-за глубинных заблуждений или ложного целеполагания представителей образованного, искусственного сообщества (Вейценбаум, 1982).

Срастание цифровых технологий с информацией и дали нам в итоге уникальный продукт – информацию не как месседж, а как средство глобального управления. Теперь область исследования смещается в междисциплинарное поле, где

в равной степени есть место наблюдениям философов, социологов, физиков, математиков и кибернетиков, в числе которых звучат и имена отечественных исследователей, таких как советский философ И.Т. Фролов (Фролов, 2017) или математик, специалист в области цифровой социологии И.С. Ашманов (Ашманов, 2019). Постановка проблемы в научно-исследовательском поле в современной трактовке обрела контуры примерно в одно время с возникновением кибернетики (40–60-е годы прошлого столетия) и уже тогда методологически разделилась на ряд направлений – гуманизацию науки, имитацию интеллектуальной деятельности человека, искусственный интеллект (далее – ИИ), биоэтику, перспективы информационной тирании (Визнер, 1976), знание и вычислительные машины. В своих трудах ученые полагаются в основном на анализ эмпирических данных, которыми исследуемая область особенно богата: каждое сообщение, рассматриваемое в контексте ситуации и в зависимости от способов распространения, – уже есть паттерн, позволяющий по частному восстановить общую картину. Предметом исследования становится также продукт машинного исчисления – алгоритм и технический ресурс, обеспечивающие результат как производное всех процессов. Этическая сторона явления изучается преимущественно в рамках дескриптивного и проблемного подходов. Немало трудов посвящено попыткам структурирования этой области знаний; относительная новизна, с которой связаны все машинно-информационные процессы, предполагает необходимость приведения их к общим смысловым знаменателям, присвоения им точных терминов.

Антропологические (само)определения

Как указано ранее, без сетевой парадигмы и цифровых технологий информация не достигла бы глобального господства. Пока те или иные сведения аккумулируются и передаются по принципу заполнения неких понятийных

лакун, мера их воздействия локальна и ограничена. Проще говоря, знание распространяется на расстояние, которое может преодолеть его носитель. В качестве примера можно привести гонцов, направленных из некоего центра в разных направлениях с одинаковым донесением. Но поскольку движение информации нелинейно, сетевая структура общества способствовала размыванию границ, перетеканию информации по различным каналам и на различные социокультурные уровни. Сетевая конструкция обеспечила своеобразный каркас современному информационному миру, подчинив его древним законам сохранения и передачи сведений (в первоначальном виде этим функциям отвечали традиции, фольклор, технологии, мифотворчество). Сейчас чаще всего при упоминании термина «сеть» мы подразумеваем феномен постиндустриального мира, напрямую связанный с цифровизацией и виртуализацией информационных потоков. Сетевая логика способствовала тому, чтобы информация перестала быть пассивным ответом на частную потребность и теперь сама активно предлагала некий информационный продукт, якобы необходимый субъекту/социуму. Глобальный охват и единообразие форм создают иллюзию власти факта и его острой востребованности, а интерактивность расширяет границы сети, превращая информационные потоки в бесконечную ризому. Сетевой принцип стал ключевым в системе информирования, в то время как сама информация, активно включаемая во все сферы жизнедеятельности, теперь является когнитивным инструментом, адаптирующим субъекта к многосложной цивилизационной среде (Игнатов, 2018).

С приходом цифровых технологий возник парадокс ожиданий. Заявленная свобода сетевого мира, декларация его саморегулирования, доступность и многогранность по истечении нескольких десятилетий трансформируются в жесткую

систему манипуляции, где становится все меньше человеческого. К свободе сетевой горизонтали неизбежно добавляется иерархическая вертикаль. И вот вопросы, заданные кибернетиками еще в середине прошлого века, получают свои неутешительные ответы: трансфер смыслов произошел стремительно и необратимо – сейчас повсеместно обсуждаются проблемы избытка информации, ментальной зависимости от транслируемых образов, угрозы вмешательства в процесс творения роботизированных систем. На особом контроле этические, когнитивные, психологические и даже физиологические аспекты этих проблем.

Возвращаясь в середину прошлого века, мы приходим к начальной точке явления. Высокие технологии открыли ящик Пандоры в то время, когда социум был максимально готов к преобразованиям и наполнен ожиданием чуда. Само по себе это явление не ново, передовая мысль на протяжении многих веков возлагала особые надежды по улучшению общества на научный прогресс. Только теперь технологии в области информатизации находились максимально близко к возможности их воплощения. Если мы ознакомимся с трудами, так или иначе исследующими сущность информационного общества, мы неоднократно встретим сформулированные учеными ожидания исправлений тех или иных общественных изъянов.

Действительно, на первых порах цифровая реальность давала уникальные, ранее недоступные возможности, а важнейшим техногенным творцом этого процесса стал интернет. В интернете, как в море, сошлись потоки достижений, ставших глобальным достоянием человечества. Переход на цифровые технологии позволил получить массу расширений: перевод в новое качество изображения, звука, сигнала; онлайн-трансляцию; обработку большого объема носителей информации; скорость передачи данных на большие расстояния и проч. Все

эти преимущества и породили, с одной стороны, ожидания великих преобразований, с другой – предостережения, связанные с риском стирания границы между человеком и машиной. Предостережения в первую очередь возникли в стане разработчиков машинных технологий. Вейценбаум еще в 80-е годы прошлого века прямо заявляет: «Я выступаю здесь с таким выводом: проблемы, возникающие в рамках таких дебатов [на тему «Вычислительные машины и мышление»] не являются ни техническими, ни даже математическими: это этические проблемы» (Вейценбаум, 1982: 291). Напомним, что Вейценбаум является автором прототипа виртуального собеседника на базе ИИ. Его программа «Элиза», разработанная в 60-е годы XX столетия, стала прообразом современных Алис и Сири. Уже в стадии экспериментальной эксплуатации ученый столкнулся с феноменом не критичного отношения людей к информации, которую продуцировала «Элиза», – ей автор доверил имитацию первичного приема у психолога, и, несмотря на сознательное участие в эксперименте, «пациенты» начинали вести себя с «Элизой» как с реальным доктором. Более полувека спустя мы становимся очевидцами повсеместного внедрения ИИ, не просто исполняющего функции голосового помощника, а андроида, генерирующего смыслы и обладающего бесконечным возобновляемым ресурсом познания; этот ресурс как раз и формируется из оцифрованных информационных потоков, внесенных в Big Data. К примеру, ChatGPT – это система, способная вести полноценный диалог на естественном языке и решать массу прикладных задач. Если человек не смог ментально дистанцироваться от «Элизы», то предусмотреть степень вовлеченности в контакт с генеративным чат-ботом пока тем более не представляется возможным.

Мы неслучайно рассматриваем здесь пример с голосовым помощником. По сути, с появлением интернета мы точно так же

возлагаем на него надежды по заполнению тех пробелов, которые трудно или невозможно преодолеть другим, менее техничным способом. И, несмотря на скептицизм разработчиков, общественная мысль активно подогревается стереотипами о всеисильности нового знания. Например, по мнению исследователей феномена технологического мифа о мыслящей машине, природа этих ожиданий – тоже плод информационного воздействия на социум. С. Натале и А. Беллаторе произвели контент-анализ публикаций об ИИ 50-70-х годов прошлого века в авторитетных научных журналах *Scientific American* и *New scientist*. Одной из их задач была реконструкция заблуждений и ложных надежд, сопровождавших первые шаги ИИ. В своем исследовании авторы резюмировали интересный факт: именно научные статьи являются местом возникновения технологического мифа, который обеспечивает некий трансцендентный переход сознания в новую, в нашем случае, цифровую реальность (Якимова, 2018). В этих выводах мнение ученых перекликается с вышеприведенным наблюдением Вейценбаума.

Итак, мы видим, что исследования в области информационного общества, цифровой среды, и в частности *new media studies*, наиболее часто идут по пути осмысления уже сложившихся треков – их исторического обоснования, анализа возможностей, оценки воздействия на ту или иную область социума, а также прогноза развития технологий. Вместе с тем, поскольку высокие технологии динамично развиваются, жестко встроить их в традиционную архитектуру изучения явления бывает проблематично. Как показали вышеуказанные примеры, даже сами разработчики цифровых систем, имея четкое понимание их функционала, не способны спрогнозировать, как та или иная возможность будет использована человеком. Взаимоотношения человека и

машины остаются наименее изученной и одной из самых актуальных онтологических проблем. И в этой проблематике мы часто встречаем стереотип, в котором информационная реальность, и в частности интернет, выступает в роли некоего саморегулируемого универсума, где роль человека сводится к функционалу пользователя с допустимой иерархией навыков.

Об этом говорят исследователи интернета, попадая в ловушку мифа о всеисильности глобальной сети или продуцируя подобное мнение сознательно. Этот миф широко распространяется благодаря погружению в цифровую реальность подавляющей части населения всех развитых стран мира. А поскольку познать миф, как утверждает А.Ф. Лосев, можно только проживая его как реальность, мы сами создаем массу мифологем, сопровождающих жизнь мифа и подтверждающих его жизнеспособность (Лосев, 1994). Так, к примеру, М. Кастельс, автор известного исследования «Галактика интернет», буквально с первых строк «заряжает» читателя, пусть и с некоторыми оговорками: «В то время как технология не гарантирует свободу, интернет на самом деле является мощным инструментом как для осуществления личной свободы, так и свободы общественных групп» (Кастельс, 2004: 5). Далее он утверждает: «Так, быстрое распространение интернета по всему миру сопровождается бытующими в средствах массовой информации разнообразными слухами и мифами о возможном негативном воздействии интернета. Совсем недавно один высокопоставленный чиновник российского правительства выразил свое отрицательное отношение к интернету на том основании, что он может оказать разрушительное влияние на детей... Эмпирические данные свидетельствуют о том, что интернет не содействует социальной изоляции и личному отчуждению» (Кастельс, 2004: 7). В России

труд Кастельса был издан в 2004 году. Сейчас заявления Кастельса уже не кажутся такими неопровержимыми, как 20 лет назад. Между тем, диалектика цифрового мира остается актуальной и нуждается в нашем переосмыслении.

Передача смыслов: сетевой полилог

Многочисленные утверждения специалистов, высказанные как в научных публикациях, так и в публичных выступлениях, подтверждают выводы, сделанные выше: непонимание генетики цифровой реальности или возложение на нее миссии демиурга приводит к искаженной картине мира. Например, в общественном сознании уже закрепилось личностное обращение к ИИ. В интервью с разработчиком ИИ О. Усковой ведущий задает вопрос: «Сам он [ИИ] не вырвется из этой клетки? Это реально подконтрольно? Не может это само, самодостаточно уползти в сеть?» (<https://dzen.ru/video/watch/665ebea786a3b40ea52dd0f7?f=d2d>). О. Усковой приходится доказывать, что никаких самостоятельных действий цифровой продукт осуществить не может, вариативность его возможностей заложена разработчиками, на которых в полной мере лежит ответственность за результаты действий ИИ, какими бы антропоморфными нам ни казались его внешние признаки.

Несмотря на общедоступность и, более того, популярность всего, что связано с новейшими достижениями информационного общества в области IT, разрыв между сущностным содержанием и стереотипом восприятия со временем становится все больше. Матрица представлений формирует некий образ идеального, обладающего не только сознанием, но и собственной волей универсума, и голос ученых, предостерегающих о неполноте этой точки зрения, далеко не всегда бывает услышан.

Так, в ряде гуманитарных исследований информационное общество практически отождествляется с теми возможностями, что ему придает интернет.

Роль глобальной сети видится или антропоморфной, или медиаморфной детерминантой, в зависимости от приоритета человека или технологии (Калмыков, 2013: 41). То есть в одном случае интернет воспринимается как объект, сравнимый по сложности с человеческим мозгом, а в другом – как конкурирующая с ним сущность, усиленная в своих «расширениях» технологиями, работающими по своим, отличным от антропоморфных, законам. Причем природа интернета представляется как «одноранговая организованность, никому не отдающая предпочтения», дешевая, доступная, дающая рядовому «юзеру» роль самостоятельного издателя (Калмыков, 2013: 57).

В подобных предположениях за пределами изучения остается сама «математика» информационной среды, то, что отличает цифровой мир от мира материального. Кибернетики XX века дискутировали о вычислительной технике исходя из ее природы. В отличие от любых других машин, вычислительная машина – та, которая в итоге и стала основой для современных информационных технологий, – передает и преобразует не энергию, а информацию. Заложенный в вычислительную машину алгоритм, с научной точки зрения, просто язык, унифицированный способ передачи смыслов с вариативными возможностями. То есть даже выбор, принятое решение – это результат заложенного алгоритма. Со времени появления на свет машины Тьюринга произошел феноменальный прорыв в технологиях, но он никак не повлиял на природу вычислительной техники. Высокие технологии легли в основу ИИ, который действует не по стандартным алгоритмам, а трактует их творчески, имитируя нейронные связи головного мозга. Но даже здесь бинарный принцип экстернизации открывает нам очевидные издержки ИИ. Вычислительная машина, ставшая на цифровую платформу, ни при каких обстоятельствах не может

мыслить сама, как не может и осознанно осуществлять выбор наилучшего или единственно верного. Зачастую решение не предполагает чего-либо конкретного, а просто нацелено на определение максимально точного пути. Логика вычислительной машины свободна выбрать тот отклик, который подтвержден количественным запросом, или отсесть тупиковый ход. Но вместе с тем машина не может распознать, что тот или иной выбор – правильный. Образно говоря, с точки зрения машины, правильным является тот путь, по которому ее ведет алгоритм, так называемая «эффективная процедура» (Вейценбаум, 1982: 81). Неверная «эффективная процедура» может привести к результату, похожему на игру Электроника в хоккей. Образно – это изображение руки из нейросети с шестью пальцами.

Что следует за этой особенностью вычислительной машины? Ее зависимость от того, что можно условно назвать программным кодом. Если знать алгоритм, его можно обмануть, им можно управлять, а значит, вычислительная машина как наилучший или единственно верный выбор покажет то, что ей навязано в пределах понятного ей алгоритма. В том случае, когда задача меняется и результатом принимается не переданное содержание, а, допустим, высокий рейтинг (в SEO – степень раскрутки ресурса) или монетизация, смысл как таковой перестает быть востребованным. В современном мире примером такой потери смыслов может быть масса явлений. Достаточно оценить соотношение ценности смыслов и масштаб воздействия на социум таких явлений, как интернет-реклама, медиатизация, блоггинг с навязанной им системой ложных ориентиров, мода на генерируемые нейросетью образы и многое другое. До возникновения постиндустриального общества представить себе появление термина «информационное насилие» (Борисов, 2013) было невозможно. Каким бы

интенсивным ни был процесс погружения в информационный поток, он оставался исключительно антропоцентричным явлением. Конверсия смыслов не преодолевала границ личного: всегда можно было отложить газету, выключить телевидение или радио – это действие мог произвести любой субъект без риска утратить ориентир в реальном мире. Теперь воздействие на человека носит тотальный характер. Чтобы подтвердить этот факт, достаточно оглядеться вокруг и посмотреть, сколько людей производят какие-либо действия, не отводя глаз от экрана смартфона.

Неудивительно, что возрастающий потенциал цифрового общества все больше отстраняется от человека, эти центробежные силы только увеличиваются. Обесчеловечивание сети, как это ни парадоксально, заложил в нее сам человек, и это не рядовой юзер, а бенефициар информационного рынка. Обесмысливание и превалирование процесса над содержанием принимает глобальные масштабы, человек словно оказывается внутри информационного пузыря, выйти из которого бывает довольно проблематично, поскольку интеграция во все сферы жизнедеятельности формирует в нем разные категории зависимости: профессиональную, социальную, ментальную и так далее. Одновременно с этим и сам информационный пузырь – плод обесмысливания, который, если следовать логике Талеба (Талеб, 2013), как все глобальное, конструктивно уязвим. К примеру, присутствие в местах, где нет интернета, довольно быстро возвращает субъекта к архетипам. Черный лебедь постиндустриального общества – техногенная катастрофа любого уровня, причина которой может быть стихийной, а может стать формой протеста, результатом усталости социума от возрастающего давления информации. Именно поэтому сейчас особенно важно научное осмысление бытийной проблемы: прогресс

внутри или вне информационного пузыря, управление или подчинение, реальность или дальнейшее погружение в цифровое пространство.

***

Погружение в миф о цифровом могуществе некогда стало новой формой информационно-реального бытия, оправдывающей необратимые видоизменения межличностных и общественных связей. Получив технологию и машину в качестве своих помощников, человек со временем возложил на них функцию по трансформации сознания. Благодаря мифу эта трансформация происходила под знаком свободы выбора между традиционными способами коммуникации и новым знанием, а значит, и новыми возможностями. От технологий ИИ ожидалось решение социальных проблем; обращение к нему для обеспечения неких насущных потребностей общества – один из самых свежих техногенных устойчивых мифов времени, в котором человек не просто мечтает, как во времена Жюль Верна, он живет внутри мифа, пользуясь его благами, и верит, что это дает ему небывалую ранее свободу, личностную, социальную, творческую. Между тем, постепенно происходит подмена ожиданий.

Невозможно понимание онтологии информационной реальности без понимания ее математической природы. Бинарная генетика подчиняется жестким законам, которые невозможно постичь умозрительно. Образно говоря, если внешнее наблюдение за любым видом машин может дать нам вполне четкую картину функциональных границ и возможностей, то в области вычислительной техники мы этого сделать не можем, поскольку в ней заложена не механика, а алгоритм, преобразующий цифру в сигнал и затем – в смыслы. Незнание этих законов становится, с одной стороны, причиной множества искажений, придающих достижениям высоких технологий избыточные,

футурологические свойства, с другой – создает благоприятные условия для манипуляции. Гуманитарная мысль со своей стороны производит оценку явления и встраивает его в картину мира. Соотношение этих концепций в итоге должно способствовать формированию перспектив развития социума, живущего в двух системах координат, для того чтобы научиться управлять неизбежно возникающими экзистенциальными рисками.

Литература

- Ашманов, И. С. (2019), «Ментальные эпидемии и “мозговые” вирусы в эпоху информационных войн», *Вопросы культурологии*, 4, 46-53.
- Басин, Е. Я. (2015), *Искусство и коммуникация*, Алетейя, Санкт-Петербург.
- Борисов, С. Н. (2013), «Практики насилия в культуре: философско-антропологическая рефлексия», дисс. ... д-ра философ. наук, Белгород. EDN: GXGHMT.
- Вейценбаум, Дж. (1982), *Возможности вычислительных машин и человеческий разум: от суждений к вычислениям*, пер. с англ. Гуревича, И. Б., Радио и связь, Москва.
- Визнер, Дж. Б. (1976), «Перспективы информационной тирании», *Кибернетика сегодня: проблемы и суждения*, Знание, Москва, 39-46.
- Игнатов, М. А. (2018), *Сетевая парадигма в культуре и науке: монография*, НИУ «БелГУ», Белгород.
- Калмыков, А. А. (2013), *Медиалогия интернета*, предисл. д. филос. н., проф. Калягина, С. В., URSS, Москва.
- Кастельс, М. (2004), *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*, пер. с англ. Матвеева, А. под ред. Харитоновой, В., У-Фактория; Изд-во Гуманит. ун-та, Екатеринбург.
- Куле, К. (2004), СМИ в Древней Греции: Сочинения, речи, разыскания, путешествия, пер. с фр. Кулланды, С. В., Новое лит. обозрение, Москва.
- Кулешов, А. В. (2015), «Онтология возникновения информации», *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, 2, 27-42. DOI: 10.17726/philIT.2015.10.2.111. EDN: VEHVVZ

Лосев, А. Ф. (1994), *Миф. Число. Сущность*, Мысль, Москва.

Талев, Н. Н. (2013), *Черный лебедь: под знаком непредсказуемости*, 2-е изд., доп., КоЛибри; Тульская типография (ОАО), Москва; Тула.

Фролов, И. Т. (2017), «Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки», *Ценностные основания научного познания*, под ред. Белкиной, Г. Л., ЛЕНАНД, Москва, 10-24.

Якимова, Е. В. (2018), «Натале С., Баллаторе А. Фантазии по поводу мыслящей машины: технологические мифы и истоки искусственного интеллекта», *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. Реферативный журнал*, 2, 82-90.

References

Ashmanov, I. S. (2019), “Mental epidemics and ‘brain’ viruses in the age of information warfare”, *Issues of Cultural Studies*, 4, 46-53 (in Russ.).

Basin, E. Ya. (2015), *Iskusstvo i kommunikatsiya* [Art and communication], Aleteya, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Borisov, S. N. (2013), “Practices of violence in culture: philosophical and anthropological reflection”, Thesis of D.Sc. Dissertation, BelSU, Belgorod, Russia (in Russ.).

Castells, M. (2004), *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society], Transl. by Matveev, A., in Kharitonov, V. (ed.), U-Faktoriya; Publishing House of the University of Humanities, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Coulet, C. (2004), *SMI v Drevney Gretsii: Sochineniya, rechi, razyskaniya, puteshestviya* [Media in Ancient Greece: Writings, Speeches, Research, Travels] [Communiquer en Grèce ancienne Paris: Les belles lettres], Transl. by Kullandy, S. V., Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Frolov, I. T. (2017), “Social-ethical and humanistic problems of modern science”, *Tsennostnyye osnovaniya nauchnogo poznaniya* [Value foundations of scientific knowledge], in Belkina, G. L. (ed.), LENDAND, Moscow, Russia, 10-24 (in Russ.).

Ignatov, M. A. (2018), *Setevaya paradigma v kulture i nauke: Monografiya* [The network paradigm in culture and science: Monograph], Printing House of BelSU, Belgorod, Russia (in Russ.).

Kalmykov, A. A. (2013), *Medialogiya interneta* [Medialogy of the Internet], URSS, Moscow, Russia (in Russ.).

Kuleshov, A. V. (2015), “The ontology of information origin”, *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*, 2, 27-42 (in Russ.). DOI: 10.17726/philIT.2015.10.2.111. EDN: VEHVVZ

Losev, A. F. (1994), *Mif. Chislo. Sushchnost* [Myth. The number. Entity], Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Taleb, N. N. (2013), *Cherny lebed: pod znakom nepredskazuemosti* [Black Swan: under the sign of unpredictability], KoLibri; Tula printing House, Moscow; Tula, Russia (in Russ.).

Weizenbaum, J. (1982), *Vozmozhnosti vychislitel'nykh mashin i chelovecheskiy razum: ot suzhdeniy k vychisleniyam* [Computer power and human reason: From Judgment to Calculation], Transl. by Gurevich, I. B., Radio i svyaz, Moscow, Russia (in Russ.).

Wiesner, J. B. (1976), “The prospects of information tyranny”, *Kibernetika segodnya: problemy i suzhdeniya*, Znanie, Moscow, Russia, 39-46 (in Russ.).

Yakimova, E. V. (2018), “Natale S., Ballatore A. Imagining the thinking machine: technological myths and the rise of artificial intelligence”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, 2, 82-90 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Баранова Светлана Вячеславовна, заместитель директора института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; Baranova_SV@bsuedu.ru

ORCID ID: 0009-0002-7333-0935

ABOUT THE AUTHOR:

Svetlana V. Baranova, Deputy Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; Baranova_SV@bsuedu.ru

ORCID ID: 0009-0002-7333-0935